

ГЛАВА

В Р'льехе мертвый Ктулху спит,
ожидая своего часа.

Говард Лавкрафт «Зов Ктулху»

Хищный узкий нос гондолы летел над бутылочно-зеленой водой. Я сидела, откинувшись на кожаные подушки, а мимо меня проплывали причалы и богатые особняки. Глянцево блестящая вода, со всех сторон доносились голоса большого города: переключка гондольеров, зычный голос продавца воды, нежный напев лютни и смех из соседней лодки. После двух лет тихой, уединенной монашеской жизни я возвращалась домой, в Венетту.

Мимо нас, плеснув волной, проплыла огромная шестивесельная гондола с закрытой кабинкой-фельце, весьма подходящая для кражи слона. В ее кильватере шли две лодки поменьше. Движение на Большом канале всегда было плотным и оживленным, не то что на боковых каналах. Те уводили вас в потаенные улочки и переулки, настолько тесные, что люди, живущие в домах напротив, вынуждены были открывать ставни по очереди. Фабрицио, служивший гондолье-

АЛЕНА ВОЛГИНА

ром еще у нашего отца, был опытным гребцом. Он невозмутимо стоял на изогнутом мостике на корме и ловко действовал веслом, заставляя наше суденышко проворно лавировать среди множества других лодок. Его шелковый камзол нарядно поблескивал на солнце, яркую бархатную шапочку с вышитым гербом рода Граначчи он кокетливо сдвинул набок. Фабрицио всегда был немного щеголеват и гордился своим положением.

Перед нами выросла белоснежная громада Серебряной Арки — или попросту Арженто, как его называли венецтийцы. Единственный мост, соединяющий берега Большого канала, слишком широкого, чтобы наводить через него переправы. Каменные опоры круто уходили вверх, изящная арка выгнулась над зеленой водой. Никто не верил, что этот мост продержится долго. Болтали даже, будто архитектор продал душу дьяволу, чтобы тот обеспечил прочность конструкции. Но если нечистый и поучаствовал в строительстве, то после он никак себя не проявлял. Может быть, он боялся каменных грифонов, грозно распутивших крылья на каждой из опор. Поэтому ювелиры и суконщики, чьи лавки теснились наверху вдоль моста, могли чувствовать себя в безопасности.

Когда гондола зашла под мост, мы ненадолго погрузились в темноту. Водяные блики играли на натянутых зеленю камнях, гул толпы слышался здесь приглушенно, как эхо. Укоротив весло, Фабрицио осторожно гнал лодку вперед. Вдруг в двух локтях от борта мне почудился всплеск, и чья-то плотная тень прошла прямо под лодкой. Я напряглась, приподнимаясь на подушках. Если *она* добралось сюда с остро-

ва... Нет, показалось. В мутной воде мелькнула оскаленная пасть, полная мелких острых зубов, затем протянулось пятнистое тело и, вильнув хвостом, ушло на глубину.

Не *оно*. Слава Мадонне!

— Это моррена, не бойтесь, — осклабился Фабрицио, не переставая орудовать веслом. Мост остался позади, и перед нами снова возникла яркая панорама города. — Они трусливые.

Это верно, моррены — падальщики, и их легко спугнуть, но я не рискнула бы сунуть руку в воду, где притаилась стайка этих хищников. Они могут за пять минут обглодать целого тельенка до костей! Впрочем, после двух лет обучения на острове Терра-деи-Мираколи я уяснила, что моррены — отнюдь не самые опасные существа в здешних водах.

Вдоль берегов потянулись особняки знати, похожие на массивные резные сундуки, наглухо запертые, надежно хранящие свои секреты. На розовых и бледно-зеленых фасадах алыми пятнами выделялась цветущая герань, яркая, словно кровь. Стрельчатые окна, поблескивая на солнце, провожали нас насмешливыми взглядами. Длинные террасы, сбегаящие прямо к воде, ошетинились причальными столбами, которые создавали подобие маленькой гавани для обитателей дома. Столбы были выкрашены в родовые цвета. Вода слепила глаза, ее блики колыхались на стенах, отчего казалось, что дома тоже колеблются, плавают в прозрачном весеннем воздухе. Это был другой мир — зыбкий, таинственный, ненадежный. На миг меня остро потянуло обратно — к безопасной тишине монастыря, размеченной колокольным звоном, моно-

АЛЕНА ВОЛГИНА

тонной череде занятий и послушаний. Заныло недоброе предчувствие, и словно ниточка тоски протянулась от далекого острова прямо к моему сердцу.

«Дзынь!» — эта нить оборвалась, когда Фабрицио ловким движением весла направил гондолу к причалу. Оттуда нам махал рукой высокий проворный юноша с черными волосами до плеч, в нарядном камзоле. Облизнув губы, я ладонями старательно расправила платье на коленях, пытаясь справиться с волнением. Это был Рикардо Граначчи, мой старший брат. Встретив мой взгляд, он ослепительно улыбнулся, и мне показалось, что грязный фасад старинного дома даже слегка посветлел. Я сделала вид, что меня вдруг заинтересовали изъеденные временем каменные ступени с плавающими возле них спутанными клубками водорослей. Рикардо сам помог пришвартовать гондолу, воткнув маленький железный багор на веревке в расщелину между плитами. Потом он нетерпеливо шагнул в лодку и в два счета вытащил меня на твердую землю.

— Джулия! Наконец-то!

«Мы не виделись два года, — строго напомнила я себе, еле переводя дыхание. — Все будет в порядке!»

Мне стоило больших усилий просто поднять взгляд. Некоторое время мы молча рассматривали друг друга.

— Ты похудела, — с теплотой в голосе сказал брат. — И выглядишь бледной. Ну, это ничего! Главное, что ты здесь!

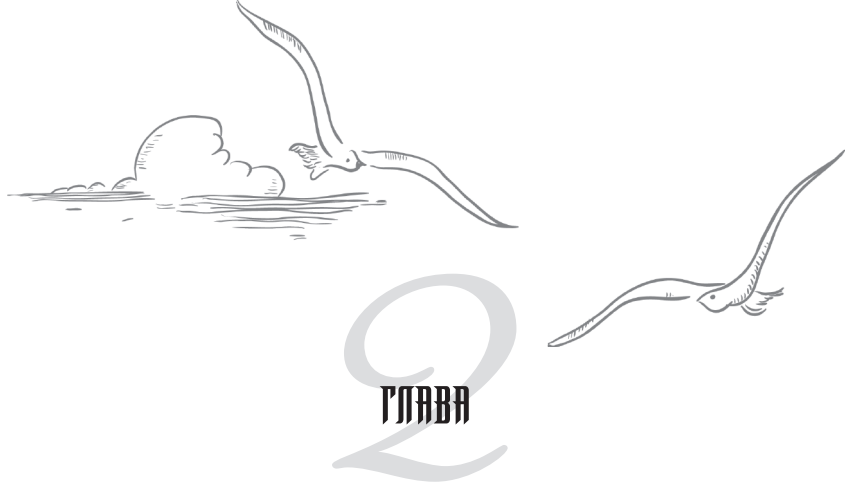
И, приобняв за плечи, он повел меня к порогу. Я молчала. Нужно было сказать что-то в ответ, но сокрушительное обаяние Рикардо всегда действовало на меня отупляюще. Наверное, он был самым краси-

вым мужчиной в Венетте. Несмотря на высокий рост, он двигался легко и изящно, словно танцор, а плечи у него были широкие, как у гондольера. В отличие от других патрициев, которые умели только нежиться на мягких подушках, Рико спокойно мог провести лодку от площади Трех Грифонов до самого Тарчийского подворья, даже не вспотев.

Какая-то тень отделилась от одной из колонн, и я только сейчас заметила, что на террасе мы были не одни. Там, в полосах света и тени, стоял молодой мужчина в простом вельветовом камзоле глухого черного цвета и таком же мрачном плаще, переброшенном через плечо. Когда он шагнул на свет, я вздрогнула: левую половину его лица уродовал толстый шрам, протянувшийся от уголка глаза к подбородку. Серые, как зимнее море, глаза холодно блеснули, отчего меня пробрал озноб. Я отметила, что Рико не стал представлять мне этого господина, только кивнул ему на ходу.

«Вид, как у наемного убийцы!» — подумала я неприязненно. Интересно, кто это? Неужели Рикардо нанял для охраны одного из брави? Такое знакомство до добра не доведет! Одно дело — сговориться с браво тишком, под покровом ночи; этим в Венетте грешили многие, у кого водились лишние цехины. Но совсем другое — открыто приглашать этих отщепенцев в свой дом! Хотя Рико, он такой. Ему сам черт не брат. Захочет — возьмет охранником даже Хорро из морских глубин, и никто ему не указ! Всегда таким был.

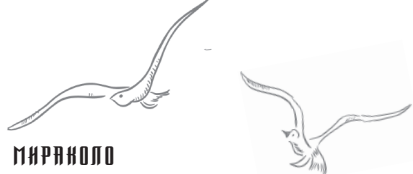
После яркой солнечной улицы, брызжущей красками, внутренние покои дома показались мне удивительно темными и тихими. На круглом инкрустированном столике до сих пор стоял букет траурно-белых лилий. Пышные цветы поникли, отражаясь в черном лакированном омуте. Я осторожно прикоснулась к гладким восковым лепесткам. Рикардо подошел сзади, положив руку мне на плечо:

— Отчасти поэтому я и просил тебя приехать, Джули. В тяжелую минуту лучше быть вместе с семьей...

— Да, я помню твое письмо. Я не знала, что тебя тоже... так опечалила ее смерть.

— Она ведь была и моей матерью, — мягко ответил брат.

Большую часть времени наши родители жили отдельно друг от друга. Я родилась слабой и болезненной, так что семейный врач советовал увезти меня подальше от дурного воздуха и сырых туманов Венеты. В конце концов мы с матерью обосновались в долине Бренты, недалеко от Патавы, где у нашей семьи

было поместье, а отец с Рикардо остались в городе. Мне кажется, мать была только рада оказаться подалеже от жесткого, деспотичного дона Граначчи. Они с отцом не очень-то ладили. Даже когда он умер десять лет назад — погиб во время очередного заговора, — мать в Венетту не вернулась.

— Ты сказал — «отчасти». Какова же вторая причина, по которой ты меня вызвал? — спросила я, резко обернувшись. На красивом лице брата промелькнуло смущенное выражение, но тут же исчезло.

— Ты приехала очень вовремя. Граф Арсаго будет здесь через несколько часов.

Вот оно что. Я так и знала. Гнев и обида поднялись во мне мутной волной.

— Рикардо, я просто не могу сейчас... Ты что, забыл наш последний разговор? Я еще не готова выйти замуж! Побойся бога, ведь мама умерла всего два месяца назад!

— О, мадонна! — выдохнул он раздраженно. — Да половина девушек Венетты были бы счастливы оказаться на твоём месте!

Съездившись, я следила за ним напряженным взглядом. Как всегда, когда на его пути вырастало неожиданное препятствие, Рико мгновенно вспыхивал, словно факел.

— Кроме того, — добавил он, — эта свадьба одобрена Советом Десяти, а я не в том положении, чтобы с ними спорить!

— Совет Десяти не может продать меня графу, буд-то вещь, — возразила я из чистого упрямства.

На самом деле еще как может. Патрицианские семьи Венетты обладали многими привилегиями, это

АЛЕНА ВОЛГИНА

верно, но вместе с тем мы постоянно жили под жестким контролем Совета. Рикардо хотел унаследовать место в Сенате, когда-то принадлежащее отцу. Поэтому мы не имели права, например, купить угодья в землях, куда не дотягивалась лапа священного Золотого грифона — только в пределах Венеццианской республики. И супругов нам со временем тоже должны были подобрать сенаторы из Совета. Все давно привыкли к такому положению вещей. Это из-за того, что больше любой напасти — больше чумы или кровавадных тарчей, подстерегающих наши корабли за проливом Отранто — Сенат боялся заговоров. Боялся внезапного усиления одной из своих партий. Несмотря на внешнее единство, внутри него постоянно шла ожесточенная, не видимая постороннему глазу война.

Тем временем к Рикардо подросла неожиданная помощь. Сначала я услышала мерное постукивание трости по мраморным плитам. Затем перед плавным изгибом широкой лестницы, ведущей в жилые покои, возникла сухощавая фигура, с ног до головы одетая в черное. Жесткое глухое платье этой дамы было словно нарочно создано для того, чтобы исключить всякие мысли о женской привлекательности, а белоснежное кружево у ворота только подчеркивало нездоровый цвет морщинистого сварливого лица. Это была синьора Ассунта, сестра отца. Мы с ней никогда не ладили.

— Похоже, монастырский воздух не пошел тебе на пользу, — заявила она вместо приветствия. Я вся подобралась под ее колючим взглядом. — Ты бледна как смерть, девочка. Рикардо, прикажи ей идти со мной. — Скептически оглядев мои измятые юбки и сбившиеся

ЧАЙНИК С ОСТРОВА МИРАНОЛО

от ветра волосы, старая ворона усмехнулась: — Придется потрудиться, чтобы привести *это* в порядок к приезду гостей.

— Я никуда не пойду!

Рикардо, похоже, решил сменить тактику. Подойдя ближе, он бережно взял мои ладони в свои:

— Джулия, клянусь, я буду оттягивать свадьбу насколько возможно. Я понимаю, каково тебе сейчас. Но, должен признаться, дела наши не очень хороши...

— Ты хочешь сказать, что мы разорены? — спросила я хладнокровно.

— Я делаю все, что в моих силах, однако морские экспедиции сейчас приносят больше беспокойства, чем барышей. Тарчи теснят нас с юга, на севере язычники отбирают рынки один за другим, а в море подстерегают пираты...

Горестно махнув рукой, он взъерошил волосы, снова превратившись на миг из блестящего аристократа в неуверенного семнадцатилетнего мальчишку, на плечи которого после смерти отца легло целое семейное дело: три корабля, организация торговых экспедиций, переговоры с капитанами и с купцами-мошенниками, каждый из которых норовил урвать кусок пожирнее. Рико работал как проклятый. Все ради того, чтобы его мать с сестрой могли жить припеваючи в безмятежной деревенской глуши. Совесть требовала хоть чем-то ему помочь!

— Даже известие о твоей помолвке может серьезно поправить дело, — продолжал Рикардо, не подозревая о терзавших меня колебаниях. — «Прекрасная ферроньера» задерживается уже на две недели. Если она не прибудет в ближайшее время, то ростовщики сожрут

АЛЕНА ВОЛГИНА

меня заживо! Они хуже акул! Только страх перед донном Арсаго держит их на коротком поводке. Я никому не позволю обидеть тебя, Джули...

Я отвела взгляд, чтобы не видеть этих умоляющих глаз. Он был кругом прав, конечно. Когда на одной чаше весов — благополучие целой семьи, а на другой — какие-то девичьи капризы, о чем тут вообще спорить?

Интересно, что бы он сказал, если бы на кону оказалась моя жизнь.

Донна Ассунта отвела меня в маленькую комнату, находившуюся в самом конце жилой анфилады. Насколько я успела заметить, парадные покои, богато отделанные резьбой и драпировками, были очень хороши, зато здесь, в глубине дома, было гораздо уютнее. Из окна, прикрытого ставнями, падали косые лучи, освещающая статуэтку Мадонны на стене. Перед ней стояла низенькая скамеечка. Один угол занимал внушительный ларь для одежды, над которым висело шестиугольное зеркало. Посреди комнаты слуги водрузили огромную бадью, из которой поднимался пар.

Я заметила, что старуха продолжала исподволь следить за мной цепким сорочьим взглядом. Без церемоний избавив меня от блеклых монастырских одежек, она приказала мне выкупаться как следует и сама растерла мое тело жесткой губкой. Затем с помощью двух служанок помогла облачиться в тонкую рубашку, невесомую, как облако. Поверх нее тяжелыми складками легло роскошное платье. Голубой цвет — символ верности, которой я сейчас ни капли не ощу-

ЧАЙНИК С ОСТРОВА МИРАНОЛО

щала. Богатейшая вышивка золотом, причудливая пена кружев и ни одной жемчужины на лифе и застежках. Оно и понятно: жемчуг — это слезы морских дев, обманутых женихами, невестам такое украшение не подобает. На сердце мне снова легла тяжесть. А куда деваться? Сама ведь согласилась! Оставалось надеяться, что Рикардо сдержит слово и постарается оттянуть свадьбу хоть ненадолго...

— Ты так разглядываешь комнату, будто впервые ее видишь, — вдруг сказала донна Ассунта.

— Конечно, ведь я не была здесь уже много лет, — ответила я спокойно. — Мы с матерью редко приезжали сюда.

— Могли бы приезжать и почаще!

Я мысленно усмехнулась. При каждом визите донны Граначчи Ассунта запиралась в своих покоях, бурча, что ее раздражает шум, запах благовоний, неправильно приготовленный обед — в общем, решительно все! Каждая ее встреча с невесткой приводила к неизбежной пикировке, после которой обе синьоры, взбодрившись, расходились по разным углам, как две кошки. Какое уж там «приезжайте почаще!»

— Тебе понравилось, как я переделала комнату? — вкрадчиво спросила старуха.

Вопрос был с подвохом, но, к счастью, я была готова к подобным расспросам:

— О да, тетя. Эти новые светлые занавески как будто добавляют больше воздуха. И мне куда больше нравится цветочный бордюр, чем тот традиционный узор с морскими чудовищами! Из-за него я в детстве долго не могла заснуть по ночам!

За моей спиной рассыпался drobный сухой смешок:

АЛЕНА ВОЛГИНЯ

— В монастыре тебе должны были привить больше уважения к живущим-под-волнами... Но ты всегда была на редкость твердолобой! Какую ленту вплести тебе в волосы?

Она сунула мне под нос три цветные ленты на выбор. Я кротко вздохнула.

— Эту, — указала на синюю с золотом. — Ведь это ее ты подарила мне на тринадцатилетие.

Буркнув что-то, старуха принялась расчесывать мои каштановые кудри, да так, будто хотела выдернуть половину. Служанки недоуменно косились на старую госпожу, однако помалкивали. Должно быть, привыкли к ее чудачествам и не хотели, чтобы она потом сорвала на них злость.

Наконец, когда волосы были уложены и укрыты золотой сеткой, Ассунта, отойдя на два шага, критически осмотрела меня со всех сторон и скептически хмыкнула. Покачав головой, она вышла из комнаты, но вскоре вернулась, держа в руках большой ларец из полированного ореха. На его боках, сверкающих красно-коричневыми бликами, были искусно вырезаны птицы, сидевшие на ветвях гранатового дерева. Внутри гнездилась масса флаконов и склянок. Отыскав нужное средство, Ассунта щедро набелила мне лицо, не переставая ворчать:

— О чем только думали монахини, ума не приложу! Ты вся почернела от солнца. Раньше у тебя была нежнейшая кожа!

— Доктор рекомендовал мне солнечные ванны от грудной болезни, — парировала я.

Возможно, я напрасно беспокоилась, и в сегодняшнем поведении донны Ассунты не было ничего подозрительного. Она тиранила племянницу с самого

детства. «Не так стоишь, слишком громко смеешься, слишком дерзко смотришь...» От придирок Ассунты и постоянной необходимости держаться начеку у меня разболелась голова, поэтому я почти обрадовалась, услышав торопливый стук в дверь. Это был Рикардо.

— Ну что? Ты готова?

— Нет.

— Тогда идем.

— Подождите минутку, — одернула нас донна Ассунта.

Набросив мне на голову прозрачную вуаль, старуха выпроводила нас за порог, а сама, обратившись к статуэтке, принялась истово молиться.

Он поднялся мне навстречу, разом заслонив собой остальных людей в салоне и невольно приковывая к себе внимание. Тяжеловесный, крепкий, с жестким надменным лицом и упорным взглядом. Его волосы, обильно тронутые сединой, покрывал вышитый берет, на руках сверкали золотые перстни с крупными камнями. Коричневый бархат камзола мягко поблескивал при каждом движении.

Граф Арсаго был одним из самых влиятельных людей в Венеции. Его знали как человека умного, решительного, привыкшего потворствовать своим желаниям. В его собственности находились несколько кораблей, роскошный дом на Большом канале и земельные угодья в долине Brenty. Также он владел землями далеко на юге, за пределами республики — и Совету Десяти пришлось проглотить это. Ни одному

АЛЕНА ВОЛГИНА

другому сенатору это не сошло бы с рук! Однако доходы графа составляли поистине баснословные суммы, и большую часть их он тратил на нужды родного города, поэтому Совет предпочел закрыть глаза на некоторые обстоятельства. Политика — тонкая вещь.

Раньше я видела графа только издали, в карнаваль-ных шествиях. Нам, послушницам и святым сестрам, тоже разрешалось присутствовать на празднике. Мы добирались до площади с острова Терра-деи-Мираколи на трех больших шестивесельных гондолах и потом скромно стояли в толпе, похожие на стайку бело-серых голубей. Вытягивая шею из-за чужих спин, я видела, как дон Арсаго шествовал с другими представителями дожа, окруженный знаменосцами и музыкантами. Над их головами трепетали крылья золотых грифонов на флагах, а вокруг шумела радостная толпа и пронзительно звенели трубы...

А теперь этот важный господин стоял в двух шагах от меня. Человек, который, как я подозревала, убил мою мать. Я украдкой отерла ладони, заледеневшие от волнения и страха.

Обернувшись, синьор Арсаго пропустил вперед юношу, которого я и не заметила поначалу, поглощенная своими мыслями. Лицом он был очень похож на графа, но в нем не было и тени отцовской властности. Он мог бы служить зеркалом для дона Арсаго — волшебным зеркалом, отражающим только светлые черты. Это был его сын, Энрике.

Подойдя ближе, юноша поклонился, так что темные волосы, достигавшие плеч, упали ему на щеки:

— Джульетта, дорогая! Как я рад, как счастлив видеть вас снова!